

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа №5»

Проект по истории:
«Немецкие концлагеря во время Второй мировой войны»

Выполнила ученица 10 класса «В»

Михалева Ульяна Владимировна

Руководитель проекта: Учитель истории МБОУ СОШ №5

Булимова Вероника Николаевна

г. Биробиджан 2022-2023гг

Оглавление

Введение	2-3
Глава 1 Теоретические аспекты данного вопроса	
1.1 Общая характеристика концлагерей.....	4-6
1.2 Лагерь «Собибор»	7-9
1.3 Печерский Александр Аронович.....	10-14
1.4 Лагерь «Треблинка»	15-17
1.5 Пожар в концлагере во время восстания.....	18
1.6 Самуэль Вилленберг.....	19-21
1.7 Рассказ Самуэля Вилленберга о жизни в «Треблинке»	22-30
Глава 2 Практическая часть	
2.1 Анкетирование.....	31
2.2 Выводы по анкетированию.....	32-33
2.3 Создание видеофильма.....	34
Заключение.....	35
Список литературы.....	36
Приложение.....	37

Введение

... Вот здесь был лагерь смерти возведён.

Колочий, нескончаемый забор...

В бараках серых – мучеников стон.

Сквозь ночь в глаза прожектор бьёт.

О, не забудь позора тех времён!

Историю вершат народные массы, и мы обязаны помнить тех людей, о которых не написаны книги, которых не называют торжественно героями, но которые волею судьбы оказались в самой гуще кровопролитных событий. Концентрационные лагеря, специально оборудованные места превентивного заключения для противников нацистского режима. Были известны жестоким обращением с узниками и нечеловеческими условиями их содержания. Тема концлагерей до конца не изучена. Многие считают, что концлагеря возникли во времена фашистской Германии, но они появились задолго до прихода Гитлера к власти. Фашистская Германия ужесточила содержание пленных и расширила границы концлагерей. Концлагеря делились на мужские, женские, детские.

Актуальность темы обусловлена тем, что с каждым годом становится всё меньше и меньше участников и свидетелей Великой Отечественной войны. Люди начинают забывать тех, кто спас нашу страну от фашистской Германии. Практически ничего мы не знаем о тех, кто побывал в фашистских концлагерях, многое забылось или просто замалчивалось. Огромное количество людей было зверски убито за пределами нашей Родины, в германских концлагерях. Действительно, сами цифры уничтоженных мужчин, женщин и детей поражают многих до сих пор. Ведь счёт шёл ни на сотни, ни на тысячи, даже ни на десятки тысяч, а на миллионы. Единицы, кто смог выжить. Я хочу рассказать, что происходило в концлагерях, о тех условиях, в которых жили люди, о тех людях которые смогли сбежать и выжить находясь в плену у фашистов. Ведь сейчас об этом очень мало информации. Особую актуальность эта тема приобрела в последнее время, так как западные политики пытаются переписать историю, изменить роль фашизма, умалить заслуги героев и смягчить зверства гитлеровцев. В некоторых странах фашистским захватчикам приписывается роль, чуть ли не освободителей. В учебниках истории о Холокосте написано немного. В интернете практически отсутствуют сайты о нём. Как это может происходить в стране, в которой в результате Холокоста погибло более миллиона человек. Существуют организации, поддерживающие идеологию Гитлера, с которым страна так долго боролась, отдавала миллионы жизней и победила. Распространилось мнение, что Холокоста не было, что миллионы погибших - это выдумка.

Цель исследования: Изучение истории концлагерей «Собибор» и «Треблинки» в годы Второй мировой войны.

Задачи:

1. Познакомиться с понятием и историей «концлагерь»;
2. Изучить историю лагерей «Собибор» и «Треблинка»;
3. Проанализировать быт узников концлагерей;
4. Выявить степень информированности с помощью анкетирования;
5. Сделать видеofilm «История успешного побега из концлагеря «Собибор»».

Объект исследования: концлагеря Второй мировой войны.

Предмет исследования: влияние концлагерей на судьбу узников.

Методы исследования:

- Поиск материалов, документов о концлагерях Второй мировой войны.
- Изучение книг и фильмов.
- Анализ и синтез

Теоритическая значимость: Можно использовать на классных часах, на уроках истории, на внеурочной деятельности посвященные данному событию.

Глава 1 Теоретические аспекты данного вопроса.

1.1 Общая характеристика концлагерей.

Концентрационные лагеря нацистской Германии — места массового заключения, содержания и уничтожения властями Германии во время правления Гитлера гражданских лиц по политическим или расовым соображениям (преимущественно евреев и цыган). Такие концентрационные лагеря существовали до начала и во время Второй мировой войны на подконтрольной Германии территории. В конечном итоге (особенно в ухудшавшейся для Германии обстановке конца войны в 1944—1945 годах) множество узников концентрационных лагерей погибло от жестоких издевательств, болезней, плохих условий содержания, голода, тяжёлого физического труда и бесчеловечных медицинских опытов.

Концентрационный лагерь (концлагерь) — специально оборудованный центр массового принудительного заключения и содержания следующих категорий граждан различных стран:

- военнопленных и интернированных во время войны;
- политических заключённых при некоторых диктаторских режимах, во внесудебном порядке;
- лиц, лишённых свободы во внесудебном порядке по национальному, религиозному, расовому, идеологическому или иному подобному признаку;
- заложников, обычно во время гражданских войн или оккупации;
- предназначенных к ликвидации в лагерях смерти в нацистской Германии во время Второй Мировой войны.

Чтобы удержать добытую власть, Гитлеру надо было быстро и эффективно пресекать любые выступления против своего режима. Поэтому имеющиеся в Германии тюрьмы стали быстро наполняться, а вскоре и переполняться политическими заключёнными. Это были немцы, которые не желали поддерживать правление Гитлера. Туда же отправляли верующих, совесть которых не позволяла им убивать и брать в руки оружие. Мужчины, которые отказывались служить в армии, считались опасными противниками государства. Тогда и поступило предложение решения возникшей проблемы. Постройка мест массового концентрированного содержания негодных режиму людей, руками этих самых людей была экономически и политически выгодна Третьему Рейху. Первые концлагеря появились на базе старых заброшенных казарм и заводских цехов. Но к началу Великой Отечественной войны их уже возводили на любом открытом месте, удобном для транспортировки туда узников.

Были даже специальные лагеря смерти, где ликвидация узников шла непрерывным и ускоренным темпом. Эти лагеря проектировались и строились не как места заключения, а как фабрики смерти. Предполагалось, что в этих лагерях обречённые на смерть люди должны были проводить буквально несколько часов. В таких лагерях был построен отлаженный конвейер, превращавший в пепел по несколько тысяч человек в сутки. К ним относятся Майданек, Освенцим, Трешлинка и другие.

Первоначально заключённые в лагерях подразделялись на четыре группы: политические противники режима, представители "низших рас", уголовные преступники и "неблагонадежные элементы". Вторая группа, включающая цыган и евреев, подлежала безусловному физическому истреблению и содержалась в отдельных бараках. В концентрационных лагерях находились и уголовные преступники, которых администрация использовала в качестве надсмотрщиков за политическими заключёнными. Людей забирали в лагерь согласно внешнему и произвольному принципу — без вины. Граждане попадали туда не за какой-то проступок, а потому, что они

были другими по своим расовым признакам или происхождению. Этим лагерь отличается от тюрьмы.

Для проведения депортаций руководство немецкой железной дороги использовало как пассажирские, так и товарные вагоны. Как правило, во время депортаций германские власти не предоставляли людям пищу и воду, даже если им приходилось днями стоять на ответвлении железной дороги в ожидании, когда пройдут другие поезда. Депортируемые в переполненных товарных вагонах без отдушин, летом евреи страдали от сильной жары, а зимой — от лютого холода. Санитарно-гигиенические удобства в вагонах ограничивались ведром. Зловоние, исходящее от мочи и экскрементов, усиливало унижение и страдания депортируемых людей. В условиях нехватки воды и продуктов питания многие умирали в пути, так и не добравшись до места назначения. Поезда сопровождал вооруженный конвой, которому был отдан приказ расстреливать любого, кто пытался сбежать. Все узники концлагерей были обязаны носить отличительные знаки на одежде, в том числе порядковый номер и цветной треугольник на левой стороне груди и правом колене. В Аушвице порядковый номер татуировали на левом предплечье. Все политические заключенные носили треугольник красного цвета, уголовники — зеленый, неблагонадежные — черный, гомосексуалисты — розовый, цыгане — коричневый. Евреи носили помимо классификационного треугольника еще и желтый, а также шестиконечную звезду Давида. Нарушивший расовые законы еврей должен был носить черную кайму вокруг зеленого или желтого треугольника.

Общее количество концентрационных лагерей, их филиалов, тюрем, гетто в оккупированных странах Европы и в самой Германии, где в тяжелейших условиях содержались и уничтожались различными методами и средствами люди - 14 033 пункта. С июля 1934 г. концентрационные лагеря возглавлял Теодор Эйке, назначенный Гиммлером. Жестокий, фанатичный нацист и умелый организатор, Эйке установил единый образец концентрационных лагерей, четко определил их местоположение и до ноября 1939 г. ведал инспекцией лагерей.

Кроме того, люди в концлагере рассматривались и как материал для медицинских экспериментов. В Освенциме работали медики, которые в качестве практики проводили разнообразные хирургические операции на здоровых людях. Известный врач Йозеф Менгеле, получивший прозвище Ангел Смерти проводил там свои эксперименты над близнецами. Многие из них были детьми.

Людей заражали инфекционными болезнями, искусственно вызывали среди заключенных концентрационных лагерей эпидемии, чтобы проверить действие новых лекарственных средств и ядов. Врачи СС производили ампутации костей и вырезали мышцы с целью трансплантации; они удаляли внутренние органы и вводили в тела людей ткани, пораженные раком. Узники подвергались страшным издевательствам: охранники-немцы тренировались в стрельбе, избрав мишенью какую-нибудь часть тела узника, подвергали их сексуальным надругательствам, травили узников собаками и т. п. Узники, которые прибывали в лагерь голодные и истощенные, должны были сдавать остатки своей личной собственности и получали взамен полосатую каторжную одежду, ложку, котелок и кружку. Попадавший в лагерь утрачивал все связи с внешним миром и все признаки своей индивидуальности: он лишался имени, социального положения, профессии, имущества, даже волос. Узнику предоставлялись короткие перерывы для принятия скудной пищи, которая лишь разжигала его постоянный голод, и короткие часы сна. Голодный паек узников в годы войны становился все более скудным. Крайне негигиенические условия и отсутствие воды способствовали распространению болезней, в том числе брюшного и сыпного тифа. Лагерный врач и его помощники из заключенных часто умерщвляли больных смертельными инъекциями или ускоряли смерть небрежным лечением.

Неотъемлемой частью распорядка дня узников был «аппель» - перекличка утром после пробудки или вечером после возвращения с работы. Заключение должны были стоять на улице по стойке «смирно», не двигаясь, иногда в течение нескольких часов в холод, дождь, снег или жару. Жизнь в лагере регулировалась длинной чередой приказов и распоряжений, обычно повторявшихся изо дня в день, но иногда неожиданно менявшихся. Все силы узника были направлены на то, чтобы четко их выполнить: ранняя пробудка, уборка места на нарах, перекличка, марш к месту работы, изнурительный труд, получение скудного ежедневного пайка, состоявшего обычно из водянистого овощного супа и полбуханки хлеба – рацион, явно недостаточный для человека на тяжелой физической работе. И так каждый день: лагерь, перекличка, снова перекличка

1.2 Лагерь Собибор.

Собибор — лагерь смерти, организованный нацистами в Польше и действовавший с 15 мая 1942 года по 15 октября 1943 года, в котором было убито около 250 тысяч евреев.

Расположение лагеря

Лагерь Собибор располагался на юго-востоке Польши близ деревни Собибур (ныне в Люблинском воеводстве). Он был создан в рамках операции «Рейнхард», целью которой было массовое уничтожение еврейского населения, проживавшего на территории так называемого генерал-губернаторства (территории Польши, оккупированной Германией). Впоследствии в лагерь привозили евреев из других оккупированных стран: Нидерландов, Франции, Чехословакии и СССР.

Лагерь был расположен в лесу рядом с полустанком Собибор. Железная дорога заходила в тупик, что должно было способствовать сохранению тайны. Лагерь окружали четыре ряда колючей проволоки высотой 3 метра. Пространство между третьим и четвертым рядами было заминировано. Между вторым и третьим ходили патрули. Днём и ночью на вышках, откуда просматривалась вся система заграждений, дежурили часовые.

Лагерь делился на три основные части — «подлагеря», у каждого было своё строго определённое назначение. В первом находился рабочий лагерь (мастерские и жилые бараки). Во втором — парикмахерский барак и склады, где хранили и сортировали вещи убитых. В третьем находились газовые камеры, где умерщвляли людей. Для этой цели в пристройке у газовой камеры было установлено несколько старых танковых моторов, при работе которых выделялся угарный газ, подаваемый по трубам в газовую камеру.

Уничтожение заключённых

Заключённые уничтожались в кирпичном здании, называемом «баней» и вмещавшем около 800 человек:

Когда партия в восемьсот человек входила в «баню», дверь плотно закрывалась. В пристройке работала машина, вырабатывающая удушающий газ. Выработанный газ поступал в баллоны,

из них по шлангам — в помещение. Обычно через пятнадцать минут все находившиеся в камере были задушены. Окон в здании не было. Только сверху было стеклянное окошечко, и немец, которого в лагере называли «банщиком», следил через него, закончен ли процесс умерщвления. По его сигналу прекращалась подача газа, пол механически раздвигался, и трупы падали вниз. В подвале находились вагонетки, и группа обречённых складывала на них трупы казнённых. Вагонетки вывозились из подвала в лес. Там был вырыт огромный ров, в который сбрасывались трупы. Люди, занимавшиеся складыванием и перевозкой трупов, периодически расстреливались. Лишь незначительную часть оставляли в живых и использовали на различных работах в лагере.

Попытки сопротивления

Под новый 1943 год из зоны уничтожения (зона № 3) бежали пятеро узников-евреев. Но польский крестьянин донёс о беглецах, и польской «синей полиции» удалось их поймать. В качестве карательной акции в лагере было расстреляно несколько сотен заключённых.

Одному заключённому также удалось бежать из зоны № 1. Он укрылся в товарном вагоне под горой одежды, принадлежавшей убитым, которую из Собибора отправляли в Германию, и сумел добраться до Хелма. Очевидно, благодаря ему в Хелме узнали о происшедшем в Собиборе. Когда в конце февраля 1943 года последнюю группу евреев из этого города отправили в Собибор, было несколько попыток бежать из эшелона. Депортированные евреи Влодавы по прибытии в Собибор 30 апреля 1943 года отказались добровольно выйти из вагонов.

Ещё один случай сопротивления имел место 11 октября 1943 года, когда люди отказались идти в газовую камеру и бросились бежать. Некоторые из них были застрелены возле ограждения лагеря, другие были схвачены и замучены.

5 июля 1943 года Гиммлер приказал превратить Собибор в концентрационный лагерь, заключённые которого будут заниматься переоснащением трофейного советского вооружения. В связи с этим в северной части лагеря (зона № 4) началось новое строительство. Бригада, в которую было включено сорок заключённых (польских и голландских евреев), прозванная «лесной командой», приступила к заготовке леса в нескольких километрах от Собибора. В охрану было отряжено семь охранников-украинцев и двое эсэсовцев[10].

Однажды двое заключённых из этой бригады (Шломо Подхлебник и Иосеф Курц, оба — польские евреи) под конвоем охранника-украинца были отправлены за водой в ближайшую деревню. По пути эти двое убили своего конвоира, забрали его оружие и бежали. Как только это обнаружилось, работу «лесной команды» немедленно приостановили, а заключённых отправили в лагерь. Но по пути внезапно, по условному сигналу польские евреи из «лесной команды» бросились бежать. Голландские евреи решили не участвовать в попытке побега, поскольку им, не владевшим польским языком и не знавшим местности, было бы крайне трудно найти убежище[10].

Скрыться удалось восьмерым беглецам. Несколько человек застрелили при попытке к бегству. Десятерых поймали, доставили в лагерь и там расстреляли перед строем всех заключённых.

Восстание

Восстание в Собиборе — единственное успешное массовое восстание в нацистском лагере смерти за годы Второй мировой. В лагере действовало подполье, планировавшее побег заключённых из концлагеря.

В июле и августе 1943 года в лагере была организована подпольная группа под предводительством сына польского раввина Леона Фельдхендлера, который ранее был главой юденрата в Жулкевке. План этой группы состоял в организации восстания и массового побега из Собибора. В конце сентября 1943 в лагерь из Минска привезли советских военнопленных-евреев. В составе новоприбывших находился лейтенант Александр Печерский, который вошёл в подпольную группу и возглавил её, а Леон Фельдхендлер стал его заместителем.

14 октября 1943 года узники лагеря смерти под руководством Печерского и Фельдхендлера подняли восстание. Согласно плану Печерского, заключённые должны были тайно, поодиночке ликвидировать эсэсовский персонал лагеря, а затем, завладев оружием, находившимся на складе лагеря, перебить охрану. План был реализован лишь частично: восставшие смогли убить одиннадцать (по другим данным — двенадцать) эсэсовцев из персонала лагеря и несколько охранников-украинцев[2], но захватить оружейный склад не удалось. Охрана открыла огонь по заключённым, которым пришлось прорываться из лагеря через минные поля. Им удалось смять охрану и уйти в лес.

Из почти пятисот пятидесяти заключённых рабочего лагеря сто тридцать не приняли участие в восстании (остались в лагере), около восьмидесяти погибли при побеге. Остальным удалось бежать.

В последующие две недели после побега немцы устроили настоящую охоту на беглецов, в которой участвовали германская военная полиция и охрана лагеря. В ходе поиска были пойманы и тут же расстреляны сто семьдесят человек. В начале ноября 1943 года немцы прекратили активные поиски. В период с ноября 1943 года и до освобождения Польши ещё около девяноста бывших узников Собибора (те, кого немцы не смогли поймать) были выданы немцам местным населением либо убиты коллаборационистами. До конца войны дожили лишь пятьдесят три участника восстания (по другим данным — сорок семь). Вскоре после побега заключённых лагерь был ликвидирован, все постройки были разобраны.

1.3 Печерский Александр Аронович.

Биография

Родился 22 февраля 1909 года в Кременчуге в еврейской семье. Его отец Арон Вульфович Печерский был помощником присяжного поверенного, мать Софья Марковна — домохозяйкой. В 1915 году вместе с родителями переехал в Ростов-на-Дону. У него были брат Константин (1907), сёстры Фаина (1906) и Зинаида (1921). В 1931—1933 годах проходил службу в армии. Работал электриком паровозоремонтного завода, окончил университет, руководил художественной самодеятельностью. С 1936 года работал инспектором хозяйственной части в Ростовском финансово-экономическом институте.

Начало войны

22 июня 1941 года в первый день Великой Отечественной войны Печерский был призван в армию и принимал участие в боевых действиях. В сентябре 1941 года был аттестован на воинское звание техника-интенданта 2 ранга, соответствовавшее воинскому званию командного состава «лейтенант» и служил в должности делопроизводителя 596-го ГАП 19-й армии. По некоторым данным, вынес на себе из окружения раненого командира.

Плен

В октябре 1941 года попал в окружение под Вязьмой, был ранен и попал в плен. Переболел тифом, но выжил. В мае 1942 года пытался бежать из плена с четырьмя другими заключёнными. Побег сорвался, и беглецов отправили в штрафной лагерь в Борисове, а оттуда — в Минск. Сначала Печерский оказался в так называемом «Лесном лагере» за городом[9]. Затем во время медицинского осмотра охранники выяснили еврейское происхождение Печерского[6][8]. Вместе с другими военнопленными-евреями Печерского посадили в подвал, который называли «еврейский погреб». Там они сидели десять дней в полной темноте. 20 августа 1942 года Печерский был отправлен в минский «рабочий лагерь» СС на улице Широкой в Минске. В этом лагере находилось около пятисот евреев из Минского гетто, а также евреи-военнопленные. 18 сентября 1943 года в составе группы заключённых-евреев Печерский был отправлен в лагерь уничтожения Собибор, куда он прибыл 23 сентября[9]. Там он стал организатором и руководителем восстания заключённых.

Восстание в «Собиборе»

14 октября 1943 года узники лагеря смерти подняли восстание. Согласно плану Печерского, заключённые должны были тайно и поодиночке ликвидировать персонал лагеря, а затем, завладев оружием, находившимся на складе лагеря, перебить охрану. План удался лишь частично — восставшие смогли убить 12 эсэсовцев из персонала лагеря, но завладеть оружейным складом не удалось. Охрана открыла огонь по заключённым, и они вынуждены были прорываться из лагеря через минные поля. Им удалось смять охрану и уйти в лес[6].

Почти из 550 заключённых рабочего лагеря 130 не приняли участие в восстании (остались в лагере), около 80 погибли при побеге, ещё 170 были пойманы немцами в ходе широкомасштабных поисков. Все оставшиеся в лагере и пойманные после побега были убиты нацистами. В период с ноября 1943 года и до освобождения Польши ещё около 90 бывших узников Собибора (тех, кого не удалось поймать) были выданы немцам местным населением либо убиты коллаборационистами.

До конца войны дожили лишь 42 участника восстания.

В лагере к лету 1943 года уже был сформирован костяк подполья. Его основателем был сын польского раввина Леон Фельдхендлер. Находящиеся здесь заключенные, которых оставили в живых для непосильной работы, мечтали вырваться на свободу, однако у этих людей не было ни определенного плана побега, ни даже минимального военного опыта.

Александр Печерский, сразу вступил в данную подпольную организацию и как советский офицер, сплотил и воодушевил многих сомневающихся в побеге заключенных. Опыт военных действий и несломленный характер Александра, сделали его настоящим лидером в лагере смерти Собибор.

Разрабатывая план побега, Александр сразу понимает, что совершить подкоп под лагерем, как предлагали его товарищи, не получится. Даже если кому-то удастся вырваться на свободу по подземному коридору, то многие заключенные, которые останутся за колючей проволокой, будут жестоко казнены. Такого он допустить не мог.

Было решено по одному уничтожать охрану лагеря, заманивая их, под разными предложениями в рабочую зону, где трудились заключенные. После этого, завладев ключами от оружейной комнаты, захватить склад с оружием и вооружить проверенных людей. Открыть бараки, под видом построения заключенных, вывести всех на плац перед воротами и попытаться выйти за территорию лагеря.

14 октября 1943 года началась решающая часть операции. После завтрака нескольких охранников удалось заманить и убить в подсобных помещениях с помощью обычных топоров. Уже через час было уничтожено порядка 11 фашистов. Было захвачено около 10 пистолетов и шесть винтовок. Но такому плану не суждено было сбыться.

В тот день из лагеря отбыло несколько охранников и комендант, которого Печерский намеревался уничтожить лично. Однако, останавливать операцию уже было поздно. Вооружившись и переодевшись в форму охраны, узники открыли бараки и вывели из них остальных заключенных. Ведя неорганизованную толпу у ворот лагеря, вооруженные узники пытались сохранить строй, но заметив неладное, начальник караула кинулся на перерез колонне, пытаясь ее остановить, но был убит восставшими.

Началась паника. Охрана лагеря, которая находилась на вышках, открыла беспорядочную стрельбу по заключенным. Люди огромной толпой прорвались через ворота и побежали

дальше, через минные поля в сторону леса. Многие были убиты, многие подорвались на минных заграждениях, но никто, из вырвавшихся из Собибора узников, не остановился.

Из лагеря смерти 14 октября 1943 года совершило побег более 500 человек. Однако, вырваться из кошмаров заключения было мало, нужно было выжить на чужой территории и попытаться пробраться за линию фронта. Для этого было решено разделить на мелкие группы, так было легче уйти от погони, которая уже набирала обороты.

Немцы стянули к району лагеря дополнительные силы на поиск бежавших узников. Началась настоящая охота на людей. За несколько последующих дней было схвачено порядка 180 заключенных, которых впоследствии казнили. В поимке сбежавших из Собибора узников очень активно помогало местное польское население, лояльное к новой власти.

Они сами ловили изможденных людей, которые от голода и холода выходили к избам поляков, иногда даже совершали самосуды над арестантами, а чаще просто отдавали на растерзание нацистам.

Печерскому повезло. Он в составе небольшой группы 22 октября 1943 года наткнулся, в белорусских лесах, на партизанский отряд Щорса и уже в его рядах продолжил борьбу с фашистами.

Такой громкий побег из лагеря смерти вызвал настоящий шок в Берлине. Лагерь Собибор решили полностью сравнять с землей. Он перестал существовать уже в ноябре 1943 года, будто не было на этом месте ни бараков, ни газовых камер, ни порядка 250 тысяч уничтоженных человеческих жизней.

Из 320 спасшихся 14 октября 1943 года из лагеря людей, войну пережили всего 50 человек. Среди них Александр Печерский и его боевые товарищи.

После восстания

Восемь евреев из числа бывших советских военнопленных Печерский привёл в Белоруссию, где они вступили в партизанские отряды. 22 октября 1943 года Александр Печерский с несколькими товарищами вступил в партизанский отряд имени Щорса, где воевал подрывником, пока советские войска не освободили Белоруссию[9]. Остальные попали в отряд имени Фрунзе. В партизанском отряде Александр Печерский вместе с боевой группой пустил под откос два немецких эшелона.

После воссоединения с красноармейскими частями Печерского арестовали и отправили в штурмовой стрелковый батальон — разновидность штрафбата.

Командир батальона майор Андреев был настолько потрясён рассказом Печерского о Собиборе, что вопреки запрету покинуть расположение батальона разрешил Печерскому поехать в Москву, в «Комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников».

В комиссии рассказ Печерского выслушали писатели Павел Антокольский и Вениамин Каверин, которые на его основе опубликовали очерк «Восстание в Собиборе». После войны очерк вошёл во всемирно известный сборник «Чёрная книга». Сборник был запрещён цензурой к изданию в СССР в 1947 году. В России впервые издан в 2015 году.

Воюя в рядах 15-го штурмового батальона в составе 1-го Прибалтийского фронта, при наступлении на город Бауск 20 августа 1944 года был ранен в бедро осколком мины и после

четырёх месяцев лечения в госпиталях получил инвалидность. В подмосковном госпитале Печерский познакомился со своей второй женой Ольгой Ивановной Котовой.

После войны

После окончания войны Александр Печерский вернулся в Ростов-на-Дону, где жил перед войной. Работал администратором в Театре музыкальной комедии. В 1945 году написал книгу воспоминаний о восстании в Собиборе. За проявленную в бою храбрость 19 мая 1949 года Александр Печерский был представлен к награждению орденом Отечественной войны II степени, однако 10 июня 1949 года ростовский облвоенком генерал-майор Сафонов изменил награду на медаль «За боевые заслуги».

В 1948 году во время политической кампании преследования так называемых «безродных космополитов» Печерский был уволен из театра. После этого он пять лет не мог найти работу и жил на иждивении жены. В 1954 году после смерти Сталина Печерский смог устроиться на работу на завод «Ростметиз» мастером багетного цеха. С 1960 года был бригадиром.

В 1963 году Александр Печерский выступил свидетелем обвинения на процессе одиннадцати охранников лагеря Собибор[9]. Вёл активную переписку с участниками восстания, журналистами, историками. Александр Печерский умер 19 января 1990 года и похоронен на Северном кладбище Ростова-на-Дону[20].

Награды

Передача Ордена Мужества внучке А. А. Печерского.

Москва, Кремль, 10 марта 2016 года

Медаль «За боевые заслуги» (30 мая 1951 года),

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»,

Орден Заслуг перед Республикой Польша (2013 год, посмертно),

Орден Мужества (2016 год, посмертно),

Медали СССР.

Международная известность

История лагеря уничтожения Собибор стала частью обвинений на Нюрнбергском процессе. Международный трибунал хотел видеть Печерского в качестве свидетеля, однако советские власти его в Германию не выпустили[26].

О лагере Собибор и восстании в нём написан целый ряд книг. Сам Печерский в 1945 году издал книгу воспоминаний «Восстание в Собибуровском лагере», вышедшую по-русски и позднее в переводе на идиш (которым он не владел) — «Дэр уфштанд ин Собибур» («Восстание в Собиборе»), другой вариант воспоминаний был напечатан в московском журнале «Советиш геймланд», № 12, 1973.

В 1987 году в Великобритании (при участии Югославии) режиссёр Джек Голд (англ.) снял блокбастер «Побег из Собибора» по книге Ричарда Рашке.

3 мая 2018 года в российский прокат вышел художественный фильм «Собибор» (режиссёр и исполнитель главной роли — Константин Хабенский). 2 февраля 2018 года фрагмент фильма был продемонстрирован в Бундестаге[29]. Ранее, 29 января, этот фрагмент публично

представили Владимиру Путину и премьер-министру Израиля Биньямину Нетаньяху на открытии выставки «Собибор: победившие смерть» (Москва).

Память

До того времени, когда история Собибора получила всероссийскую известность, Александр Аронович, к сожалению, не дожил. Он скончался в 1990 году в возрасте 80 лет в Ростове-на-Дону, был похоронен на ростовском Северном кладбище. Интерес к фигуре Печерского и восстанию в Собиборе совпал с «патриотическим поворотом» российских властей. В 2011 году был основан Фонд памяти Александра Печерского, летом 2014 года имя Александра Печерского включили в учебники по истории Отечества, в честь героя была выпущена почтовая марка.

Только в начале 2000 годов подвиг Печерского стал широко известен на родине. В 2007 году в Ростове-на-Дону появилась мемориальная доска на доме, где он жил. В 2015 году в честь Печерского была названа улица его родного города. В 2018 году на экраны России вышел фильм " Собибор", где очень подробно показан подвиг этого удивительного человека.

1.4 Лагерь «Треблинка»

Требли́нка — два концентрационных лагеря: Треблинка-1 (так называемый «трудовой лагерь») и Треблинка-2 (лагерь смерти). Лагеря были организованы нацистами на территории Генерал-губернаторства (оккупированной Польши), недалеко от деревни Треблинка (воеводство Мазовецкое), расположенной в 80 км к северо-востоку от Варшавы. Лагерь смерти Треблинка-2 существовал с 22 июля 1942 года по октябрь 1943. По разным оценкам, всего в лагере было убито от 750 до 810 тысяч человек (большее число жертв было только в расположенном недалеко от польского города Освенцим лагере Аушвиц 2, самом известном теперь лагере смерти). Подавляющее большинство жертв (99,5 %) были евреями из Польши[1], около 2 тысяч — цыгане.

История лагеря

Приказ о постройке лагеря уничтожения Треблинка был отдан рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером главе СС Варшавского района Арпаду Виганду 17 апреля 1942 года. Строительство лагеря началось в конце мая 1942.

Территория лагеря составляла 24 гектара, она была окружена двойной оградой высотой 3 метра, а также рвом глубиной 3 метра. Первые 3 газовые камеры площадью 48 м² были построены по такому же принципу, как и в лагере смерти Собибор. 22 июля 1942 началось выселение евреев из Варшавского гетто и восточных районов Варшавского района в лагерь Треблинка-1.

В августе-октябре 1942 года были построены десять дополнительных газовых камер общей площадью 320 м².

Персонал лагеря состоял из 30 членов СС и около 100 вахманов — немцев, украинцев, литовцев, болгар, поляков, русских жителей азиатских советских республик. В основном охрана состояла из пленных бывших военнослужащих Красной Армии.

В настоящее время польские историки создают список ответственных за убийства в Треблинке. Выживший в Треблинке Самуэль Вилленберг говорил в своем интервью, что охрана состояла из «эсэсовцев» (СС) и в основном украинцев, причем немцы «держались отдельно от украинцев и тоже за ними следили. Их нельзя было оставлять без контроля, чтобы они не украли в лагере ничего ценного и не налаживали контакты с заключенными».

От жертв до последнего момента скрывали, что их ожидает смерть. Это позволяло в большинстве случаев предотвращать акты сопротивления. Многие евреи из Западной и

Центральной Европы прибывали в лагерь на обычных пассажирских поездах (по купленным ими билетам), рассчитывая, что их везут на новое место жительства. Евреев из Восточной Европы привозили в забитых товарных вагонах, под охраной, не давая воды и пищи.

После наполнения людьми, в камеры, замаскированные под душевые, подавали выхлопные газы от двигателя тяжёлого танка (другим способом было выкачивание воздуха из камер). Смерть наступала от удушья в течение получаса. Тела убитых сначала закапывали в больших коллективных могилах, но весной 1943 года, после посещения лагеря Гиммлером, в лагере были установлены кремационные печи. Гиммлер приказал все тела убитых выкопать и сжечь, а вновь убиваемых — сжигать, а не закапывать.

2 августа 1943 года в Треблинке-2 теми узниками, жизнь которых временно сохранялась для обеспечения функционирования лагеря, было поднято тщательно спланированное восстание, в результате которого часть из них сумела бежать, а 54 смогли дать свидетельские показания после перехода территории под контроль антигитлеровской коалиции[9]. Но многие узники были пойманы и убиты. Сам лагерь, как и планировалось нацистами, был ликвидирован, остатки сооружений разобраны, территория засеяна люпином. Среди немногих выживших участников восстания были Самуэль Вилленберг, после войны написавший книгу «Восстание в Треблинке» (умерший 20 февраля 2016 года в Израиле) и Рихард Глацар, оставивший воспоминания «Ад за зелёной изгородью».

После войны

В поисках золота и драгоценностей польские крестьяне выкапывали останки евреев из братских могил рядом с Треблинкой. Историк Ян Гросс утверждает, что «мародерство в годы Второй мировой войны носило в Польше массовый характер».

В. С. Гроссман в своей книге «Треблинский ад» делает вывод о причинах, побудивших Гиммлера лично посетить Треблинку и отдать приказ о кремации тел, несмотря на сложность этой процедуры: «Причина была лишь одна — сталинградская победа Красной Армии. Видно, ужасна была сила русского удара на Волге, если спустя несколько дней в Берлине впервые задумались об ответственности, о возмездии, о расплате, если сам Гиммлер прилетел самолётом в Треблинку и приказал срочно заметать следы преступлений, совершаемых в шестидесяти километрах от Варшавы. Такое эхо вызвал могучий удар русских, нанесенный немцам на Волге.»

В целом Собибор не отличался, например, от другого польского лагеря Треблинки. Там тоже планировали побег. Самуэль Вилленберг, один из немногих выживших в Треблинке, вспоминал в интервью, как их подпольная ячейка так же, как и их товарищи по несчастью в Собиборе, готовилась к восстанию, но в их случае выжило намного меньше: "Мы были наивными. Ужасно наивными. Все думали, что с парой украденных винтовок мы организуем бунт, мы будем как солдаты, и ура... Сила фантазии велика, но действительность была жестокой".

Так же пугающе типичны истории, которые происходили в этих лагерях: например, узники, узнающие в процессе работы на сортировке одежды, что их семью целиком убили. Вот, скажем, проходной эпизод с участием начальника лагеря обершарфюрера Френцеля:

"Получено срочное задание — выгрузить уголь. На "обед" нам дали считанные минуты. Френцель все время стоял около повара и подгонял его палкой, чтобы тот скорее разливал в миски баланду. Увидев, что несколько сот человек еще не получили так называемый суп, Френцель разозлился, выгнал повара во двор и заставил его сесть на землю, поджав под себя ноги и вытянув руки. Затем, насвистывая какой-то марш, Френцель принялся ритмично

наносить удары палкой парню по голове. Кровь заливала лицо повара, но, боясь громко вскрикнуть, он только тихо стонал. Все мы видели это зверское избиение, но вмешаться не смели. Несмотря на голод, постоянно мучивший нас, многие в тот день не смогли съесть свою порцию: казалось, она смешана с кровью нашего товарища..."

Другую, казалось бы, неправдоподобную деталь Печерский не забывает упомянуть во всех своих мемуарах. Он говорит о том, что, когда немцы заводили в "душ" очередную партию несчастных, они в этот момент гоняли по загону стаю гусей, гогот которых служил неким фоновым шумом, чтобы оставшиеся в живых лагерники не слышали страшные вопли. То же замечают Василий Гроссман и Илья Эренбург, авторы "Черной книги", сборника документов и свидетельств о Холокосте:

"Все эти подробности ничем не отличаются от рассказов о том, что делалось на Майданеке или в Трешлинке. Может быть, единственное, в чем проявилась фантазия и личная инициатива собиборовских палачей, — это в способе скрыть от окружающего населения свою работу. Они развели в подсобных хозяйствах лагеря стада гусей и, когда производилась расправа, этих гусей дразнили и заставляли кричать. Немцы таким образом заглушали стоны и плач своих жертв".

1.5 Пожар в концлагере во время восстания.

В начале 1943 года в Трешлинке была сформирована подпольная организация еврейского сопротивления с целью захвата контроля над лагерем и побега на свободу. Подпольное подразделение было сначала организовано еврейским капитаном польской армии Юлианом Хоржицким, затем лидерство перенял другой офицер Польской армии, Берек Лайчер, который прибыл в лагерь 1 мая. 2 августа 1943 года в Трешлинке-2 теми узниками, жизнь которых временно сохранялась для обеспечения функционирования лагеря, было поднято тщательно спланированное восстание. Заговорщики сумели открыть дверь в арсенал возле железнодорожных путей и захватить 20-25 винтовок, 20 ручных гранат и несколько пистолетов, которые доставили на участок гравийных работ. В 15:45 700 евреев подняли мятеж, который длился 30 минут. Они подожгли здания, взорвали цистерну с бензином и подожгли окружающие постройки. Группа вооруженных евреев напала на главные ворота, другие попытались перелезть через забор. Пулеметный огонь 25 немцев и 60 украинских травников привел к значительному уничтожению восставших. Тем не менее, около 200 узников сбежали из лагеря. Половина из них погибли после погони немцев. Известно, что из прорвавшихся около 70 дожили до конца войны. Примечательно, что во время восстания ни один немец не погиб.

Сам лагерь, как и планировалось нацистами, в октябре 1943 года был ликвидирован, остатки сооружений разобраны, территория засеяна люпином. Советские войска вошли на территорию трудового лагеря и лагеря смерти в последнюю неделю июля 1944 года. После войны, в поисках золота и драгоценностей польские крестьяне выкапывали останки евреев из братских могил рядом с Трешлинкой.

1.6 Самуэль Вилленберг

Сэмюэль Вилленберг, военный псевдоним Иго (16 февраля 1923 – 19 февраля 2016) - польский художник и писатель, переживший Холокост. Он был зондеркомандой в лагере уничтожения Трешлинка и участвовал в запланированном восстании подразделения в августе 1943 года. Известно, что около 79 человек пережили войну, в то время как 300 сбежали. Вилленберг добрался до Варшавы, где перед концом войны принял участие в Варшавском восстании. После своей смерти Вилленберг был последним выжившим во время восстания заключенных Трешлинка в августе 1943 года.

Как и многие другие выжившие, Вилленберг эмигрировал в Израиль. Он был награжден высшими польскими орденами, в том числе Военной доблести и Командорским крестом ордена "За заслуги", врученным президентом Лехом Качиньским. Его мемуары "Восстание в Трешлинке" были опубликованы между 1986 и 1991 годами на иврите, польском и английском языках. Он был скульптором и художником.

Жизнь и творчество

Самуэль Вилленберг родился в Ченстохове, Польша. Его отец, Перец Вилленберг, был учителем в местной еврейской школе до Второй мировой войны, талантливым художником и художником. Он также зарабатывал деньги, украшая синагоги. Его мать, Маниефа Попов, была польско-православной христианкой, которая приняла иудаизм после их свадьбы. Семья жила в Ченстохове до переезда в Варшаву.

Вторжение нацистов в Польшу

В ходе вторжения нацистской Германии в Польшу 6 сентября 1939 года 16-летний Вилленберг отправился в направлении Люблина, чтобы вступить добровольцем в Польскую армию. В течение нескольких дней Советы вторглись с востока. Он был тяжело ранен 25 сентября в перестрелке с Красной армией под Хелмом и попал в плен. Три месяца спустя он сбежал из больницы обратно в центральную Польшу, чтобы воссоединиться со своей семьей в Радоше (ныне часть Варшавы). В начале 1940 года вместе с матерью и двумя сестрами они отправились в Опатов, где его отец работал над росписями для синагоги. Но в это время нацисты начали загонять польских евреев в гетто по всей стране.

Гетто в Опатуве было создано весной 1941 года, первоначально без ограждения. Это быстро стало опасным. Туда были доставлены евреи, депортированные из Силезии, и из-за перенаселенности и плохих санитарных условий разразилась эпидемия тифа. Вилленберг обменивал картины своего отца на еду и другие предметы первой необходимости, а также несколько месяцев работал на сталелитейном заводе в Стараховице вместе с сотнями подневольных рабочих, которых поставлял юденрат.

В 1942 году нацисты начали свою секретную операцию "Рейнхард" — спланированную акцию по уничтожению евреев в полуколонииальном генерал-губернаторском округе, ознаменовавшую самую смертоносную фазу Холокоста в Польше. Вилленбергам удалось получить фальшивые "арийские" документы и сбежать обратно в свой родной город. Гетто в Ченстохове было создано 9 апреля 1941 года. На пике своего развития в нем содержалось около 40 000 заключенных. Две сестры Вилленберга, Ита и Тамара, были перевезены туда. Его мать попыталась спасти их и отправила Вилленберга обратно в Опатув.

Но 20 октября 1942 года Вилленберг был вынужден сесть в поезд памяти жертв Холокоста вместе с 6500 заключенными ликвидированного тогда гетто в Опатуве и был отправлен вместе с ними в лагерь уничтожения в Трешлинке.

Лагерь смерти Трешлинка

Лагерь, который был построен в рамках операции "Рейнхард" (самой смертоносной фазы "Окончательного решения"), действовал с 23 июля 1942 года по 19 октября 1943 года. За это время там было убито более 800 000 евреев — мужчин, женщин и детей. По другим оценкам, число убитых в Трешлинке превышает 1 000 000 человек.

По прибытии в Трешлинку Вилленберг получил спасительный совет у разгрузочной рампы от одного из еврейских заключенных Ауффанглагеря. Он выдавал себя за опытного каменщика, чтобы показать, что умеет работать. К счастью, на нем был испачканный краской халат его отца (верхняя одежда, которую традиционно носили сельские рабочие), надетый в Опатуве при подготовке к рабскому труду. Вилленберг был единственным человеком из его перевозки 6000 человек, который избежал смерти в газовых камерах в тот день.

Сначала он был назначен в крупнейшую лагерную команду Рот, распаковывая и сортируя вещи жертв, уже "обработанных". Позже он узнал там одежду двух своих сестер, подтвердив, что они были убиты. Со временем он был назначен в другие подразделения под номером "937" в зондеркоманде. Среди их задач было плетение веток деревьев в заборах из колючей проволоки, чтобы скрыть территорию, здания и ряды заключенных. 2 августа 1943 года Вилленберг участвовал в восстании зондеркоманды в Трешлинке примерно с 200-300 другими. В отличие от большинства из них, он сбежал.

Раненный в ногу, он отправился обратно в Варшаву, где ему удалось найти своего отца, который скрывался в "арийской" части города. Вилленберг стал участвовать в подпольном сопротивлении, в том числе приобретал оружие для левой партизанской Польской народной армии PAA (Polska Armia Ludowa PAA). Он использовал девичью фамилию своей матери, Игнаси Попов. Он прятался на конспиративной квартире на Натоллинской улице, когда вспыхнуло Варшавское восстание.

В своих мемуарах "Восстание в Трешлинке" Вилленберг писал, что в первый день восстания он присоединился к батальону Ручай подрайона Армия Крайова I. Он сражался в Шредмесьце вдоль Маршалковской улицы и площади Спасителя. В начале сентября 1944 года он перевелся в Польскую народную армию в звании младшего сержанта. После капитуляции Варшавы он

покинул город вместе с гражданским населением. Он сбежал из поезда для военнопленных в Прушкове и скрывался в окрестностях Блони до освобождения советскими войсками.

Послевоенные годы

В 1945-1946 годах Вилленберг служил в Польской армии в звании лейтенанта. В 1947 году он помог одной из еврейских организаций в Польше найти еврейских детей, которые были приняты и спасены от Холокоста польскими семьями неевреев. Он женился на Аде Вилленберг (урожденной Любельчик), которая сбежала из Варшавского гетто, перелезая через стену.

В 1950 году, в годы пика сталинизма в Польше, Вилленберг эмигрировал в Израиль со своей женой и матерью. Вилленберг прошел обучение на инженера-геодезиста и получил долгосрочную должность главного замерщика в Министерстве реконструкции. У него и его жены была общая дочь Орит.

После выхода на пенсию Вилленберг завершил формальное обучение в области изобразительного искусства. Он окончил факультет скульптуры Еврейского университета в Иерусалиме и быстро стал известен своими работами о Холокосте. Он создавал в основном фигуративные скульптуры из глины и бронзы. Его серия из пятнадцати бронзовых слепков, изображающих людей и сцены из лагеря смерти Треблинка, а также несколько карт и рисунков лагеря, были выставлены на международном уровне. С 1983 года он был одним из организаторов регулярных визитов израильской молодежи в Польшу, известных как Марш живых.

В 2003 году в Варшавской национальной художественной галерее Захента состоялась выставка его работ. Его скульптура также была показана в музее Ченстоховы в 2004 году. Он создал памятник жертвам Холокоста 40 000 жертвам Ченстоховского гетто, который был открыт там в октябре 2009 года.

Вилленберг впервые опубликовал свои мемуары "Восстание в Треблинке" в 1986 году. (Английский перевод Нафтали Гринвуда, был опубликован издательством Oxford University Press в 1989 году), который он позже опубликовал в Польше с предисловием Владислава Бартошевского (1991 и 2004).

19 февраля 2016 года Вилленберг умер в Израиле, последний оставшийся в живых после восстания в Треблинке. У него остались жена Ада, их дочь Орит Вилленберг-Гилады и трое внуков. Архитектор Вилленберг-Гилады спроектировал посольство Израиля в Берлине после объединения; строительство было завершено в 2001 году. В 2013 году она была выбрана архитектором для проектирования учебного центра по Холокосту на месте Треблинки.

Наследие и почести

После смерти Вилленберга президент Израиля Реувен Ривлин воздал ему хвалу.

Вилленберг получил высшие национальные награды Республики Польша, в том числе "Виртути Милитари", Крест за заслуги с мечами, Крест Доблести, Варшавский крест восстания, медаль Армии Польской и орден "За заслуги перед Республикой Польша", которым его наградила президент Лех Качиньский.[22] Вилленберг был последним выжившим во время восстания заключенных в Треблинке в 1943 году[23] после смерти его друга всей жизни и выжившего в Треблинке Кальмана Тайгмана в августе 2012 года (88 лет).

1.7 Рассказ Самуэля Вилленберга о жизни в «Треблинке»

Восемьдесят лет назад, в августе 1943 года, они организовали восстание там, откуда никто не выходил живым, — в нацистском концентрационном лагере в Треблинке на территории оккупированной Польши. Самуэль Вилленберг был одним из них. Один из немногих узников, он выжил во время бунта и дождался окончания войны. Его рассказ и даже спустя столько лет прерывают слезы.

Йозеф Паздерка: Как узник Треблинки Вы видели, как шли на смерть сотни тысяч людей. Можно ли вообще ужасы Треблинки описать словами и рассказать о них так, чтобы современный человек все понял?

Самуэль Вилленберг: Нельзя. Что выбрать? Людей, задыхающихся перед самой смертью? Группы, горящие в огне? Людей, засыпанных песком? И из песка еще торчат их руки... Когда осенью 1942 года я приехал в Треблинку, нацисты засыпали место, которое называли лазаретом. Такое деревянное здание в лагере, похожее на медицинский объект. Над ним развевался флаг с красным крестом. Туда после транспортировки отправляли старых и больных. Чтобы они не мешали толпе, которую гнали в газовые камеры. Люди входили внутрь, в некое подобие приемной в больнице. Там было чисто. Теплые лавочки, обтянутые фетром. Люди рассказывали друг другу о своих болезнях. Им сказали, что скоро их осмотрит врач и надо снять одежду. И они раздевались и шли по коридору к пологому спуску, под которым была большая яма. Над ней стоял украинский надзиратель и стрелял в каждого, кто приходил. Тела, наваленные друг на друга, охрана потом сжигала.

Меня туда вскоре после приезда отправили с бумагами, взятыми из одежды вновь прибывших людей. Капо (привилегированный заключенный в концлагерях Третьего рейха, работавший на администрацию, — прим.пер.) сказал мне бросить бумаги в огонь и быстро вернуться. Я не подозревал, что происходит в лазарете. Я просто вошел в это деревянное здание и в конце коридора вдруг увидел весь этот ужас. На деревянном стуле сидела скучающие украинские охранники с ружьями. Перед ними — глубокая яма. В ней останки тел, которые еще не сожрал огонь, зажженный под ними. Останки мужчин, женщин и маленьких детей. Меня эта картина просто парализовала. Я слышал, как трещат горящие волосы и лопаются кости. В носу стоял едкий дым, на глазах наворачивались слезы... Как это описать и выразить? Есть вещи, которые я помню, но их не выразить словами.

— Что с человеком делают такие моменты?

— Я долго все это не мог осознать. Разум просто не мог это усвоить. Массовое истребление? Это же невозможно. Потом понимаешь, что ты в аду, в настоящем аду. И пытаешься выжить, и меньше думать. И когда уже кажется, что ты почти затвердел, что-то вновь тебя разбивает... Трудно об этом говорить.

— Вы когда-нибудь думали о самоубийстве?

— Никогда. Я думал о побеге. Все время я думал только об этом. Не о тех, кто там останется. Все мы не слишком думали о других, хотя где-то внутри мы друг друга поддерживали.

— Откуда в таких условиях вообще берется сила жить дальше?

— Не знаю, я не думал об этом. Да и сегодня я не знаю, откуда во мне взялась сила на все. Я отвердел, хотя по ночам я часто плакал. После приезда я работал в лагерной бригаде, которая сортировала одежду поступивших людей. Часто она была еще теплой. Люди едва успевали раздеться и шли в газовые камеры. Однажды мне в руки попало что-то знакомое. Коричневое

детское пальтишко с ярко зеленой оторочкой на рукавах. Точно такой зеленой тканью моя мама надставляла пальтишко моей младшей сестры Тамары. Сложно было ошибиться. Рядом была юбка с цветами — моей старшей сестры Итты. Обе они пропали где-то в Ченстохове перед тем, как нас увезли. Я все надеялся, что они спаслись. Тогда я понял, что нет. Вспоминаю, как я держал эти вещи и сжимал губы от беспомощности и ненависти. Потом я вытер лицо. Оно было сухим. Я уже не мог даже плакать.

— Когда после войны Вы начали рассказывать об ужасах Трешлинки, говорят, что никого это особенно не интересовало. Как в Польше, так и в Израиле

— У людей были другие заботы. Некоторым полякам это, возможно, было не слишком выгодно. Когда мы в 1950 году приехали в Израиль, некоторые евреи, жившие там еще до войны, упрекали нас в том, что мы не воевали. А они — да. За Государство Израиль. Для них мы были трусами, которых, как овец, вели на смерть. Они вообще не понимали нашего положения. Один друг, с ним мы познакомились уже в Израиле, не хотел слышать о смерти своих родителей. Даже политикам, основателям Израиля в 1948 году, сначала Холокост был не выгоден. У них были свои герои, которые сражались за независимость.

— Как Вы на это реагировали?

— Я продолжал говорить о том, что пережил. Только меня никто не слушал. Мы сидели со знакомыми, и все повторялось по кругу: мы начинали говорить о погоде или еще о чем-то, а заканчивалось все Холокостом. И так до сих пор. Стоит заговорить о какой-то хорошей бутылке, и пошло — знаешь, тогда такую бутылку можно было продать, она спасла мне жизнь... Холокост глубоко в нас.

Детство и отъезд в Трешлинку

— А что у Вас была за семья?

— Отец — еврей, мать — русская, принявшая иудаизм прямо перед моим рождением или сразу после него. В семье было три ребенка — я и две моих сестры. Младшая Тамара и старшая Итта. Мы жили в Ченстохове. Жизнь в Польше перед войной была довольно тяжелой, но мы как-то справлялись. Отец был учителем и художником, потом его стали нанимать расписывать синагоги. Постепенно он украсил синагоги в Ченстохове, Петркуве и Опатуве.

— Вы ели кошерную еду и соблюдали еврейские обычаи?

— Папа не ел свинину. Но когда мы шли в школу, мама давала нам хлеб и 20 грошей на ветчину. Только мы должны были ее съесть в школе, не дома.

— Вы тогда ощущали себя евреем, или евреем Вас позже «сделала» война?

— Я всегда был евреем. Хотя у нас с отцом была вполне арийская внешность. Голубые глаза, длинные светлые волосы. Отца на улице часто путали с Падеревским (известный польский пианист и политик с длинными светлыми волосами — прим. ред.), кто-то просил у него автограф... Но мы были евреями, на главные праздники мы с отцом ходили к раввину Аше.

— Говорят, что евреи и поляки до войны жили в какой-то степени отдельно друг от друга.

— Это правда. У каждого народа был свой собственный мир. Но со мной все было иначе. В Ченстохове мы жили в смешанном районе. Я хорошо говорил по-польски. У меня были друзья-поляки, мы вместе отмечали Рождество. Я знал их, и этим я немного отличался от остальных. Возможно, это меня потом и спасло. Когда мы убегали с остальными заключенными из

Треблинки, многие остались в лесах. Они не знали поляков, не знали хорошо язык — их сразу поймали.

— Перед самой войной в Польше отношение к евреям стало меняться, появились антисемитские настроения, были погромы. Потом в страну вошли нацисты, и начались антиеврейские акции. Все, кто мог скрыть свое еврейское происхождение, пытались это сделать. Вы тоже?

— Да, но это можно было сделать только частично. В начале войны мы жили рядом с Варшавой, первые антиеврейские погромы прошли мимо нас. Но все равно было ясно, что становится хуже. У отца были знакомые в Опатове, они в костеле сделали нам фальшивые свидетельства о рождении. Папа получил имя Кароль Бальтазар Пекославски, я стал Эугениушем Собешавски. Сестрам досталось что-то подобное. Мама оставила свое имя — Манефа Попова. Благодаря своему русскому происхождению она даже получила белую кеннкарту (Kennkarte — удостоверение личности во время немецкой оккупации — прим.ред.) А у нас уже были желтые, еврейские.

— Вы боялись, что вас кто-то выдаст?

— Очень. Для евреев это была трагедия. Как только вы выходили на улицу, вас уже не покидал страх, что кто-то подойдет и скажет: «Это еврей!». Нет, не немцы. Они обычно понятия не имели, как выглядят евреи, и не могли отличить их от поляков. А вот поляки не ошибались. Они точно знали. По тому, как человек выглядел, как вел себя, как шел — просто интуитивно. Сложно сказать, по чему именно они определяли евреев. Владислав Шленгель (Władysław Szlengel), поэт из варшавского гетто, точно описал этот страх в одном своем стихотворении: «Не смотри на меня, когда я иду мимо, дай мне пойти, не говори ничего, если ты не обязан этого делать». Но не все так поступали. Двух моих сестер так, в конце концов, кто-то выдал и послал их на смерть.

— Насколько сильным среди поляков был антисемитизм? До войны.

— Речь шла главным образом о низших слоях. Польская интеллигенция к евреям относилась лучше. Среди нее тоже было много антисемитов, но люди не опускались до того, чтобы выдавать своих друзей. Это, конечно, не означает, что они активно помогали евреям. Но после побега из Треблинки меня в итоге спасли польские крестьяне. Так что было по-разному.

— Вы говорили, что в начале войны кто-то выдал Ваших сестер. Как это произошло? Что случилось с остальными членами Вашей семьи?

— Отец сбежал в Варшаву, а мы с мамой и сестрами отправились в Ченстохову. У мамы там была приятельница, и еще пара знакомых священников. Но мы совершили ошибку. Оставив сестер у знакомых, мы вместе с мамой вернулись в Опатов за вещами. Тогда сестер кто-то выдал, они пропали неизвестно куда... Мы с мамой пошли в парк под Ясной горой, сели на лавочку и страшно плакали. Мама потеряла обеих дочерей. Итге было 24, Тамаре — 6. Абсолютная беспомощность! Потом мама решила, что будет лучше, если я вернусь в Опатов. А она осталась там и пыталась искать сестер.

— Но возвращение в еврейское гетто в Опатове Вам не слишком помогло.

— Выселение гетто началось уже через два дня после моего возвращения — 23 октября 1942 года. Сначала нас собрали на рынке, несколько тысяч человек. Потом погнали в Ожарув на железнодорожную станцию. Тех, кто не мог идти, охранники стреляли прямо на месте. Потом нас погрузили в вагоны.

— Вам было 19 лет. Вы знали, куда едете?

— В то время я уже о чем-то догадывался. Люди говорили, что евреев массово убивают. Но если вы просто живете и вам вдруг кто-то скажет, что вас убьют, вы же, не поверите. Никто из нас не хотел в это верить. Что, убьют целый поезд? Мы знали, что едем на восток. Во время остановок люди с улицы кричали нам: «Евреи, из вас там сделают мыло!» Разве нормальный человек поверит в это?

В Треблинку мы приехали еще до утра. Там уже стояли другие вагоны. В общей сложности около 60. Это почти 6 тысяч человек. После войны я все нарисовал — весь лагерь и ведущую к нему железную дорогу. И мои рисунки — единственные оставшиеся схемы. Немцы всю документацию уничтожили. 60 вагонов людей... Все они не поместились на платформе в Треблинке — их пришлось разделить на три части. Люди выходили из вагонов и шли вдоль платформы. Нацисты там повесили таблички: «Касса», «Телеграф», «Зал ожидания». Там даже были вокзальные часы, табло с приезжающими и отправляющимися поездами... Люди проходили все это, и начинался отбор — женщины с детьми отдельно, мужчины отдельно, одежду снять, ботинки снять, связать парой. Потом раздетых мужчин заставляли собирать всю одежду, сваливать в кучу. И всех гнали в газовые камеры.

— Вас нет?

— Когда я там стоял, ко мне подошел один заключенный. Я увидел знакомое лицо. «Откуда ты тут, сукин сын, откуда?» — спросил я. А он в ответ: «Из Ченстоховы. Скажи им, что ты каменщик». Через минуту подходит эсэсовец и спрашивает: «Здесь есть каменщик?» Я тут же выпалил: «Ich bin Maurer». На мне была отцовская одежда, в которой он рисовал. Она была в краске. Может быть, отчасти я был похож на каменщика. Охранник кивнул мне, чтобы я отошел в сторону, и меня втолкнули в один из деревянных барачков. Так я стал узником Треблинки. Шесть тысяч евреев из Опатува тем временем шли прямо в газовые камеры.

Ад

— Куда Вас определили в лагере?

— Мы сортировали одежду и другие личные вещи, остававшиеся после тех, кто шел в газовые камеры. В одном направлении вагоны приезжали с людьми, а в обратном — шли с их рассортированными вещами. Брюки отдельно, пальто отдельно, обувь отдельно. Еще волосы, сбритые перед тем, как люди шли на казнь. Мы, конечно, разбирали и ценности. Каждый день был невероятно доходным: килограммы золота и бриллиантов, тысячи золотых часов, миллионы банкнот и монет со всего мира, даже из Китая. Эти вещи сортировали и грузили в пустые вагоны.

Потом меня перевели на работу получше. Наша группа выходила из лагеря — в лесу мы собирали сосновые ветки. Их потом вплетали между колючей проволокой, чтобы скрыть то, что происходит в отдельных секторах лагеря. Эта работа помогла мне. У нас было лучше питание, и мы могли «вести торговлю» с украинскими охранниками.

— Чем вы торговали? Ведь у вас ничего не было...

— Несмотря на запрет, нам, конечно, иногда удавалось спрятать какие-то ценности после транспортировки. Это были большие деньги. И их потом можно было обменять. Мы выходили из лагеря, украинский надзиратель снимал свою шапку и говорил: «Rebjata, dëngi». Мы бросали ему туда что-то, а он приносил нам поесть. Мы все съедали вместе, иногда даже пили водку. Что-то нам удавалось пронести среди веток в лагерь. Интересно, что нас при возвращении

никто никогда не проверял. Группы, которые ездили работать в поле, в лагере потом обязательно досматривали. Нас — никогда. Нацисты, вероятно, подозревали, что происходит, но не хотели в это вмешиваться.

— Когда Вы поняли, что на самом деле происходит в Треблинке и частью чего Вы являетесь?

— Сразу же в первый вечер в лагере ко мне в барак пришел тот человек, который спас мне жизнь. Это был Альфред Бэм, мой сосед в Ченстохове. Он сразу мне прямо сказал: «Парень, ты на заводе смерти. Здесь всех убивают. Убьют и нас с тобой». Вы слышите это, но все равно не хотите верить. Но действительность постепенно переубеждает. В лагере был четкий распорядок. С утра до вечера несколько поступлений. Женщины — налево, мужчины — направо. Мужчины остаются на улице, женщины идут в барак. Там они должны раздеться и быть готовыми. Зимой из этого барака шел пар. Везде пар, и в нем эти женщины идут в газовые камеры. Женщины — отдельно, мужчины — отдельно. Никогда вместе. — Как Вы узнали, куда они идут и что с ним происходит? — Это и так было ясно. Позже мы встречались и с группами евреев, которые работали с газовыми камерами. Эта была отдельная часть лагеря, куда мы не могли попасть. Они рассказывали страшные вещи. Как украинские охранники силой вгоняли испуганных людей в газовые камеры и отрубали руки и другие части тела тем, кто пытался защищаться. Как они вырывали детей из рук матерей и швыряли их в стену. У надзирателей были собаки, и их часто отпускали на перепуганных и голых людей. Таким образом в газовую камеру всегда загоняли около 400 человек и включали дизельные двигатели. Через 40 минут все были мертвы. Заключенные вытаскивали их еще теплыми... Потом бригада рабочих выламывала из челюстей золотые зубы, а следующая бригада перевозила тела к открытым печам, где все сжигали. Через каждую такую бригаду проходило около 200 заключенных. Каждый день — это число надо было дополнять новыми, только что поступившими, потому что кто-то из узников совершал самоубийство, кого-то украинская охрана бросала в те ямы, где сжигали мертвые тела. Просто так, ради развлечения...

— Простите, но я должен об этом спросить. Что происходит с человеком, когда он слышит или видит подобные вещи и знает, что он, сам того не желая, часть всего этого?

— Вы хотите выжить, и ваше сознание притупляется. Это как удар по голове. Я все время помнил только об одном: «Ты должен выжить, ты просто обязан выжить и однажды все рассказать». Это было страшно. В Треблинке свою смерть встретил миллион человек. Приводят цифры около 700 — 800 тысяч человек, но это не считая детей. Если прибавить их, количество убитых достигнет миллиона. В этой массе всего в памяти остаются только случайные моменты, все это просто нельзя вместить.

— Вы можете о чем-то рассказать?

— Однажды, где-то в январе 1943, я попал в барак, где стригли женщин. Перед газовой камерой заключенных всегда брили. Я этого не делал, но в тот раз меня туда отправили. И вот передо мной сидит такая девушка. И тихо меня спрашивает, как долго продлится этот путь к смерти. Она знала, я знал. Я сказал ей, что десять минут, может быть, меньше. Я врал, на самом деле весь процесс занимал больше времени. Она рассказала мне, что недавно сдала выпускные экзамены и что ее зовут Рут Дорфман. Она была красива. И вот она поднялась с этой табуретки и пошла к дверям. Там еще раз повернулась и посмотрела на меня. Она будто прощалась. Не со мной, а со всем миром. Такие отрывочные моменты оставались в памяти... Отец после приезда снимал обувь своему маленькому сыну. Мужчина уже знал, что происходит, а ребенок еще ничего не подозревал. Папа снял с него ботинки и еще связал их вместе шнурком...

— Надзиратели, руководители лагеря — кто это был? Что это были за люди?

— Хуже всех были эсэсовцы. Часто это были алкоголики и садисты, которые получали удовольствие от необоснованной стрельбы по заключенным. Одним из самых страшных эсэсовцев был Ангел смерти — Август Мите (August Miete). Таких было еще несколько, страшные монстры. Они разжигали этот ад. Остальные просто ходили рядом с нами и орали, чтобы мы работали.

— Вы упоминали и украинских охранников. Они чем-то отличались от немцев?

— Это были такие же садисты. Они не скрывали своей ненависти к евреям. Они без какого-либо сочувствия, не моргнув глазом могли убить в лазарете сотни людей. Немцы держались отдельно от украинцев и тоже за ними следили. Их нельзя было оставлять без контроля, чтобы они не украли в лагере ничего ценного и не налаживали контакты с заключенными. Украинцам даже не разрешалось бить нас перед эсэсовцами. Это нас, узников, отчасти ставило в выгодное положение: через наши руки каждый день проходили вещи за миллионы долларов, а украинцам приходилось выпрашивать жалкие крохи. Мы обменивались с ними и таким образом получали ценную еду. А они в соседних деревнях тратили деньги на выпивку и проституток.

— В рабочих бригадах в Треблинке с Вами был, и чешский еврей Рихард Глацар (Richard Glazar). Позже он, как и Вы, спасся и издал книгу воспоминаний «Треблинка. Слово, как из детской скороговорки» (Treblinka, slovo jak z dětské říkanky). Вы его помните?

— Да, мы были вместе в группе, которая ходила в лес. Глацар отличался от остальных. Мы, восточноевропейские евреи, в лагере ходили в обычных лохмотьях, не слишком обращая внимание на то, как мы выглядим. Чехи — нет. Глацар всегда был элегантен. Может быть, из-за этого остальные его так и не приняли. Меня тоже не приняли, потому что я не говорил на идише. Глацар, по-моему, тоже нет.

После войны мы встретились. В 70-е годы мне кто-то позвонил в квартиру в Тель-Авиве. С сильным американским акцентом он приглашал меня в свою виллу и говорил, что у него в гостях будет какой-то бывший заключенный Треблинки. Я поехал. В саду той виллы была тропинка. Я в конце этой дорожки сел на лавочку и ждал. Вдруг появилась красивая пара. Все смотрели на меня, и я начал петь по-чешски: *Ona se točí, má modré oči, ona se točí dokola...* («Она кружится, у нее голубые глаза, она все кружится...»). Это была песня Глацара. Все в лагере пели что-то на своем родном языке. Он тут же закричал: «Кацап!» Так меня называли в лагере. Это был он. Интеллигентный. Он написал хорошую книжку, хотя восточноевропейских евреев он в ней не жалеет.

Восстание и побег

— А как началось восстание в Треблинке?

— О том, что в лагере происходит что-то странное, я узнал только зимой. Все были страшно подозрительными. Люди вообще не общались — воспринимали друг друга как опасность. Но потом появился шанс. Рабочие бригады получили задание починить и достроить в лагере здание, где должен был быть склад оружия. Попасть туда можно было через большие железные двери. Было похоже, что они XIX века. Наши слесари должны были сделать новый замок и ключ. Один отдали немцам, второй — тайно спрятали. Этот доступ к оружию был нашим шансом.

— Вы действительно планировали захватить весь лагерь?

— Мы были наивными. Ужасно наивными. Все думали, что с парой украденных винтовок мы организуем бунт, мы будем, как солдаты, и ура... Сила фантазии велика, но действительность

была жестокой. С того склада у нас были какие-то гранаты и винтовки. Первые выстрелы раздались второго августа (1943 года — прим. ред.) где-то около четырех часов утра. Одному заключенному удалось взорвать емкость с бензином. Раздался сильный взрыв. Думать, что все мы убежим в лес, — это просто утопия. Немцы начали стрелять со сторожевых вышек и быстро взяли ситуацию под контроль. Первых, кто стал убегать, застрелили. Некоторые заключенные вообще не присоединились к восстанию. Те, с большими носами, евреи, как из немецких карикатур, где они могли спрятаться? Не сражались и старшие, те, кому было за 40. Они знали, что им не перепрыгнуть заграждения вокруг лагеря. Но мы все же попробовали. И через проволоку, баррикады и мертвые тела друзей мы бежали из лагеря. Потом через железнодорожные пути и дальше, быстро и бездумно. Во время побега я чувствовал, что мне что-то попало в ногу. Ботинок наполнялся кровью, но я несся дальше.

— Вы как заключенные, должно быть, сильно бросались в глаза. На Вас была лагерная одежда?

— Нет, в Треблинке специальных роб не было. Каждый ходил в том, что насобирал себе из куч одежды. Но и так нас было легко узнать. Побритые наголо, худые — с первого взгляда было ясно, кто мы. Я со временем отделился от остальных и попробовал действовать самостоятельно.

— Почему?

— Наверное, какой-то инстинкт. Не знаю. Потом я понял. Когда немцы позже искали беглых заключенных, они спрашивали людей в округе: «Куда они побежали?» И люди говорили, туда побежала одна группа, туда — другая. А я был один. Может быть, поэтому я в итоге и выжил.

— У Вас были с собой какие-то деньги?

— Где-то сто долларов, мне их дал друг Альфред Бэм. Сам он не смог сбежать. У кого-то из заключенных были бриллианты и прочие ценности. Они думали, что это спасет им жизнь. Но поляки сразу же все отбирали и сдавали беглых, как только узнавали, что у них при себе ценные вещи.

— Вас никто не выдал. Как такое возможно?

— Понятие не имею. Наверное, мне просто повезло. Может быть, я правильно рисковал. И еще у меня не было явных еврейских черт лица, и я хорошо говорил по-польски. Четыре дня меня прятали польские крестьяне. Но у них я не мог оставаться долго — лагерь был слишком близко, риск был велик. — Они боялись? — Ужасно. Я тоже страшно боялся. Больше всего по пути в деревню Вулька-Надгорна. Она была недалеко. Я ночевал в стоге сена, и еще до утра появились украинцы. Они искали сбежавших заключенных, стреляли повсюду. Но моего укрытия они, к счастью, не обнаружили. Утром я пришел на железнодорожную станцию «Костки». Теперь ее уже нет — позднее дорога перестала работать. Рядом со станцией был небольшой магазин с продуктами. Я подождал, пока выйдут все покупатели, и вошел. Продавщица была молодой. Она дала мне попить и рассказала о том, что происходит в округе. Как немцы повсюду ищут, как они грозились убить ее двоюродного брата. И все равно она дала мне 20 злотых и сигареты в придачу. Потом я быстро смылся из магазина. У станции стали появляться продавцы мяса. Они направлялись в Варшаву. Среди них была и одна женщина — она мне в итоге и помогла. Она разрешила называть себя тетушкой и купила мне билет на поезд. Я помогал ей загружать тяжелые сумки. И уже в где-то в полдень я был недалеко от Варшавы. Там я потом присоединился к восстанию и дождался окончания войны.

— Кто из Вашей семьи выжил?

— Отец выдавал себя за глухонемого и в итоге дождался конца войны в Варшаве. Мы были вместе. Мать выжила благодаря своему русскому происхождению в Ченстохове. Две мои сестры остались в Треблинке. Как и сотни тысяч других людей.

После войны

— Когда Вы в первый раз заговорили о Треблинке?

— Вскоре после войны, в 1947 году. Ко мне приезжала пани из Еврейской исторической комиссии, собирала воспоминания. Я тогда был на дне, страшно пил. Мы с друзьями брали водку и пили до немоты. Тогда эта пани начала делать со мной интервью. Они были не очень хорошими.

— Вам хотелось после войны отомстить?

— Я знаю, что после войны существовали группы евреев, которые хотели искать и убивать эсэсовцев. Я тоже был полон ненависти. В Ченстохове я искал полицейского, арестовавшего моих сестер. Но физическая месть меня не волновала. Я видел столько крови, что у меня на это уже не было сил.

— Некоторые ваши старые друзья и те, с кем Вы были в лагере, после войны отказались ехать в Треблинку. Вы поехали. Почему?

— Кто-то не поехал из-за того, что не мог рассказывать о Треблинке. Мы с женой приехали в Треблинку из Израиля в первый раз в 1983 году. Была 40-я годовщина восстания в варшавском гетто, и коммунисты разрешили нам ехать. С 1987 года мы ездим в Польшу регулярно, два-три раза в год. В основном с группами еврейской молодежи.

— После всего того, что Вы видели, вы можете простить немцев?

— Нет, не могу. Можно простить кого-то, кто что-то сделал по ошибке, по невнимательности. Но не того, кто эти страшные вещи совершал добровольно, обдуманно, с наслаждением. Я говорю не только об эсэсовцах. Этот лагерь смерти создали интеллигентные люди — врачи, инженеры, строители.

— Вина переносится с отцов на детей? Что с молодыми немцами?

— В Германии я побывал совсем недавно. Моя дочь — архитектор. Она выиграла конкурс на проект нового посольства Израиля в Берлине. Дочь спрашивала меня, должна ли она это делать. Думаю, она ждала моего отказа. Но я сказал, что для меня это невероятная честь: дочь заключенного Треблинки предложит проект посольства нашего государства в Берлине. Когда посольство построили, мы поехали на торжественное открытие. До той минуты я ненавидел все немецкое. Ненавидел немецкий язык, немецкую продукцию. Но все равно от этого не сбежать. Машину, например, я специально покупал американскую. Ford Cortina. Я оплатил автомобиль и страшно им гордился. А продавец потом показывает мне двигатель и говорит: «Посмотрите, какой прекрасный экономичный мотор...» Он был немецким. Меня чуть удар не хватил.

— Вы оставили автомобиль?

— Я был вынужден, он уже был оплачен.

— А что с самими немцами?

— Недавно нас в Германию пригласила организация Aktion Sühnezeichen. Они устраивают поездки немецкой молодежи в те места, где нацисты совершали самые страшные преступления.

Они были в Треблинке и видели там мою книжку. Они узнали, что я жив, и пригласили вместе с женой на беседу. Организовали выставку моих скульптур о Треблинке. Выставка ездила по Германии целый год, была в самых разных местах. Тогда я изменил свое мнение о молодом поколении немцев. Сначала я их испугался. Когда они приходили на мою выставку, они были такими странными, с цветными волосами... Но они сели на пол и стали с интересом слушать. Это всегда производит впечатление... С сотрудниками Aktion Sühnezeichen мы действительно сблизились. Когда мы прощались, моя жена расплакалась и сказала: «Это ужасно. Я в вас влюбилась, и сама себе не могу этого простить».

Знаете, на фасаде израильского посольства в Берлине, созданного по проекту моей дочери, есть шесть символов. Они напоминают о 6 миллионах евреев, убитых во время Холокоста. Но сбоку есть еще один символ — стена. Она означает открытие нового этапа истории. Строить новые отношения, но помнить о том, что было.

Самуэль Вилленберг, 90 лет. Родился в польской Ченстохове в смешанном браке. Отец был евреем, мать — русской, принявшей иудаизм. После начала Второй мировой войны сражался в польской армии и был ранен. Осенью 1942 года как еврей был отправлен в концентрационный лагерь в Треблинке, где всех евреев сразу после их поступления убивали в газовых камерах. Исключение составляла малая часть случайно выбранных людей, помогавших поддерживать работу лагеря. Заключенных-рабочих должны были ликвидировать позже. Это касалось и Вилленберга. В августе 1943 года Вилленберг участвовал в вооруженном восстании в Треблинке, благодаря которому около 200 узников лагеря смогли бежать. Несколько десятков из них — включая Вилленберга и чешского еврея Рихарда Глацара — дожили до конца войны. Самуэль Вилленберг участвовал в Варшавском восстании летом 1944 года и за проявленную смелость после войны получил польский военный орден *Virtuti Militari*. В 1950 году Вилленберг эмигрировал в Израиль, где живет до сих пор. Его жена Ада Любельчик прожила войну в варшавском гетто как ребенок евреев. Окончания войны она дождалась только благодаря помощи польских участников сопротивления. В Израиле у Вилленберга и Любельчик родилась дочь Орит, сегодня известный израильский архитектор. Самуэль Вилленберг написал книгу воспоминаний «Восстание в Треблинке» (*Povstání v Treblince*). Он также известен как художник и скульптор. Вскоре после восстания лагерь в Треблинке перестал существовать, следы лагеря нацисты уничтожили. Мир узнал о Треблинке только благодаря свидетелям, таким как пан Вилленберг.

Глава 2. Практическая часть.

1.1 Анкетирование.

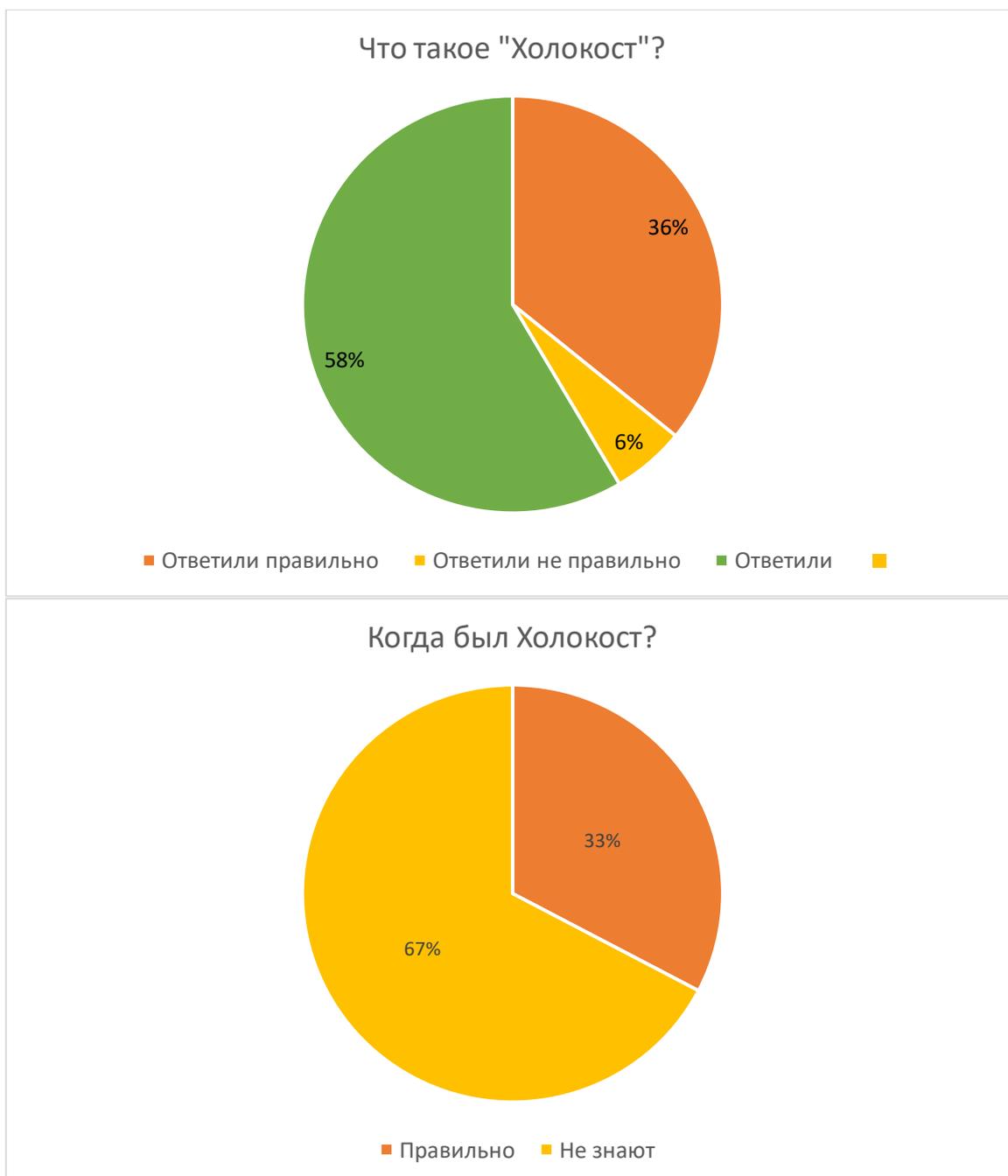
На этом этапе работы я провела анкетирование среди 6,8,10 классов, для того чтобы выяснить степень информированности по теме «Холокост» среди учеников. Приняло участие 106 респондентов.

Были предложены следующие вопросы:

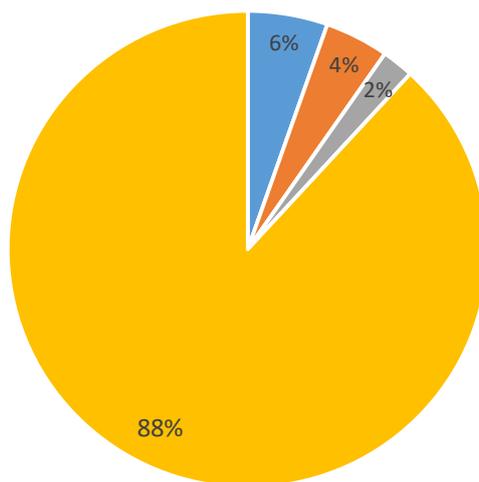
- 1) Что такое «Холокост»?
- 2) Когда был Холокост (годы)
- 3) Какие вы знаете концлагеря?
- 4) Где находились концлагеря?

2.2. Выводы по анкетированию

По проведенному анкетированию я выяснила, что большее количество опрошенных не знают ответы на поставленные им вопросы. Только малое количество знают правильный ответ, но не на все вопросы. Из всех опрошенных 6,8,10 классов, правильно ответили ученики 10 класса, а из 6,8 большее количество ответили, что не знают и только меньшинство знают правильный ответ, но не на все вопросы. И мой проект поможет респондентам узнать что-то новое по этой теме.

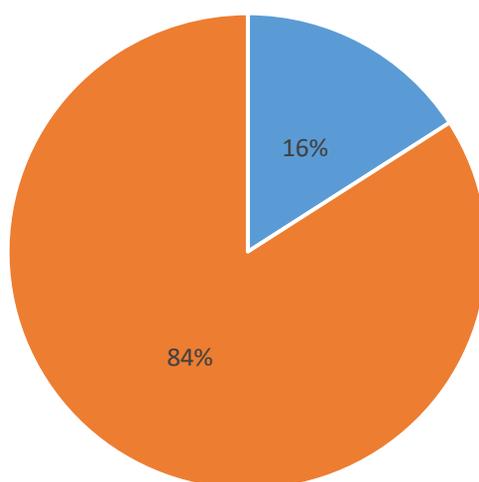

Какие вы знаете концлагеря?

■ Маутхаузен ■ Бухенвальт ■ Вашавский ■ Не знают ■

Где находились концлагеря?

■ Ответили верно ■ Не знают

2.3 Создание видеофильма «История успешного побега из концлагеря «Собибор»».

На данном этапе работы я находила информации в интернет-источниках. Для создания видеоролика я работа в приложение (Cap Cut). Собирала фотографии, сделанные в концлагерях во время Второй мировой войны. Находила песню для видеоролика. И выбрала песню Непоседы -Бухенвальский набат (минус).

Заключение

В процессе исследовательской работы мною была достигнута цель, изучены материалы из разных источников, было проведено анкетирование. Поставленные задачи выполнены. Был создан видеофильм «История успешного побега из концлагеря «Собибор»».

Работа показала, что концлагеря Третьего Рейха, где во время Второй мировой войны погибли миллионы людей, стали самым страшным потрясением не только XX века, но и всей человеческой истории. Впервые для истребления людей были построены целые промышленные комплексы. Концентрационные лагеря стали символом нацистской человеконенавистнической идеологии, разделявшей людей на «высшую» и «низшую» расы. Представители второй для нацистов были «материалом» и трудовым ресурсом, подлежащим уничтожению и утилизации после использования. За все время войны по статистике в плену оказалось примерно четыре с половиной миллиона советских граждан. В основном это были мирные жители с оккупированных территорий. То, что пережили эти люди, сложно даже представить. Благодаря Сталину после освобождения, вернувшись домой, они получили клеймо «предатели». На родине их ждал ГУЛАГ, а их семьи были подвергнуты серьезным репрессиям. В страхе за свою жизнь и жизни близких, они меняли фамилии и всячески пытались скрыть пережитое. До недавнего времени информация о судьбах заключенных после освобождения не афишировалась и замалчивалась. Но люди, пережившее такое, просто не должны быть забыты.

Список литературы

- 1) Беркутов Иван. Издательство: Эксмо, 2018 г. «Собибор. Восстание в лагере смерти»
- 2) Сванидзе Николай Карлович, Васильев Илья Юрьевич. Редактор: Эдельштейн Михаил Юрьевич. Издательство: Эксмо, 2018 г. «Собибор. Возвращение подвига»
- 3) Пахалюк К. А. Издательство: Яуза, 2021 г. «Треблинка. Исследования. Воспоминания. Документы»

Интернет ресурсы

- 1) «Всё о Второй мировой»
<https://wwii.space/02-08-43-восстание-в-концлагере-Треблинка/>
- 2) «Печерский, Александр Аронович — Википедия»
<https://yandex.ru/search/?text=Александр+Печерский&lr=11393>
- 3) «Википедия Треблинка»
<https://ru.wikipedia.org/wiki/Треблинка>
- 4) "СОБИБОР": КАК ВСЕ БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ
Сайт: <https://tass.ru/spec/sobibor>
- 5) «Лагерь смерти Собибор — история восстания»
<https://24smi.org/facts/318449-lager-smerti-sobibor-istoriia-vosstaniia.html>
- 6) «Восстания в лагерях смерти»
<https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/killing-center-revolts>
- 7) «Побег из Собибора. Летописи войны»
<https://yandex.ru/video/preview/18272345435791829956>

Список фильмов

- Константин Хабенский «СОБИБОР» (2018)
Джек Голд «ПОБЕГ ИЗ СОБИБОРА» (1987)
Документальный фильм ВВС "Треблинка: Лагерь смерти" (2013)